

А.В. Торкунов, Н.А. Симония

Финансовые аспекты и социальные последствия структурного кризиса в США

На заключительном этапе формационного развития капитализма именно вследствие возникновения и становления ИТ-уклада и его пронизывания и проникновения в финансовый сектор экономики США и Великобритании, произошли наиболее глубинные, чувствительные и даже скандальные проявления структурного кризиса наступающей эпохи глобализации. Почти все механизмы и институты финансового сектора превратились в свою противоположность. Все началось с компьютеризации финансового сектора. Казалось, ничто не предвещало беды. Более того, позитивные плоды этой компьютеризации ощутили сотни миллионов людей во многих странах мира. Однако после кризиса 2007-2011 гг. стало особенно очевидно, что в условиях англо-саксонской либеральной модели компьютеризация финансовой сферы стала грозным оружием массового финансово-экономического разрушения, превращения финансового сектора в мощную *самодовлеющую структуру, и отрыва ее от реальной экономики.*

Одной из институциональных жертв сплошной компьютеризации стали *биржи – товарные и фондовые.* Это некогда полезные механизмы, существенно облегчившие и расширявшие кругооборот товаров и денег в ходе развития капитализма, в конечном итоге в таких странах как США и Великобритания, в период становления постиндустриализма стали выходить из-под какого-либо разумного контроля и регулирования. Начался все более зримый отрыв бирж от реальной экономики и превращение их, прежде всего, в механизм автономного процесса приращивания спекулятивного капитала. Главным в функционировании бирж стала не реализация физических товаров, а заключение фьючерсных сделок по разного рода *деривативам.* При этом брокеры и дилеры, хедж-фонды, инвестиционные банки и даже пенсионные фонды оправдывают свою спекулятивную активность на бирже необходимостью хеджировать свои доходы от колебаний курсов, цен на сырье, процентных ставок по заемным капиталам, но не хотят официально фиксировать сделки, всячески избегая их прозрачности. Впрочем «электронная торговля» сама по себе создала немалые препятствия для нормального контроля и государственного регулирования, особенно учитывая тенденцию нарастания в последние годы операций по коротким продажам. Ведь компьютерные программы *ежесекундно автоматически создают миллионы деривативных контрактов, позволяющих зарабатывать на минимальных изменениях цен.* Такая финансовая система, с одной стороны, позволяет **менеджерам** зарабатывать огромные состояния (для себя, а не для компании), а с другой, полностью исключает всякую возможность вмешательства в процесс заключения сделок собственникам корпораций – акционерам. Это представляет собой еще одну важную негативную трансформацию в функционировании финансового капитала на этапе агонии. Собственники-акционеры превращаются в пассивных наблюдателей, а нанятые ими за большие зарплаты менеджеры принимают решения

практически по своему усмотрению и сами же их исполняют. Подобная финансовая система уже не является органической составляющей частью национальной экономики и превращается в своеобразную «раковую опухоль» на теле экономики, распространяющую в организме свои метастазы. Ведь некоторые нефинансовые компании и корпорации также не избежали соблазна поиграть в азартные спекулятивные биржевые игры. Все эти негативные финансовые процессы имеют своим первоисточником именно страны с либеральной англо-саксонской моделью. В июле 2009 г. «Файнэншл таймс» привела интересную диаграмму географического распределения в мире количества хедж-фондов и «фондов фондов» (фондов, инвестирующих в другие инвестиционные фонды) по состоянию на 2 квартал 2009 г. (в скобках – удельный вес регионов от общего числа).

Распределение хедж-фондов и «фондов фондов» по странам и регионам мира

США	4442 (45,2%)	Оффшорные центры	684 (7%)
Великобритания	2208 (22,5%)	АТР	419 (4,3%)
ЕС (без Великобритании)	849 (8,6%)	Америка (без США)	275 (2,8%)
Швейцария	821 (8,4%)	Остальной мир	126 (1,3%)

Таким образом, только на США и Великобританию (не считая оффшорные центры) приходится 67,7% подобных фондов, а в материковой Европе одна только Швейцария почти сопоставима со всем ЕС.

Момент истины настал в дни глобального кризиса. Никакие деривативы, никакое хеджирование с использованием специальных компьютерных программных продуктов не предотвратило сокрушительного краха вышедшей из-под контроля финансовой системы. Было бы наивным упрощением заниматься поиском персональных виновников или конкретных институциональных финансовых организаций, ответственных за случившееся (хотя все они внесли «посильный вклад» в формирование этой ситуации). Все дело в исторически сложившейся либеральной финансовой системе (под эгидой Уолл-стрит и лондонского Сити), при которой государство до поры до времени отстранилось от исполнения необходимых контрольных и правовых функций, особенно в сложнейший переходный к новой экономике период. Не то, чтобы в США вовсе не было регулирующих деятельность бирж органов. Там еще в рамках «Нового курса» Франклина Делано Рузвельта, пришедшего к власти на волне Великой депрессии 1929-1933 годов, была создана в 1934 г. Комиссия по ценным бумагам и биржам – SEC (Securities & Exchange Commission).^{*} Много позднее, после энергетического шока начала 1970-х, в 1974 г. была создана также Комиссия по срочной биржевой торговле – CFTC (Commodity Futures Trading Commission). Однако именно в сложнейший период начавшегося процесса компьютеризации бирж, эти комиссии не только оказались не способными выполнять свои основные функции, но фактически содействовали все более полной

^{*} Считалось, что SEC должна быть независимой, свободной от внутривнутриполитических пристрастий экспертной комиссией. В составе ее руководства по два члена от Демократической и Республиканской партий, но председатель комиссии назначается Президентом страны, и, как показала практика, это являлось решающим фактором при принятии решений.

бесконтрольности их деятельности (возможно, по причине отсутствия «второго Рузвельта»).

Серьезное испытание выпало на долю этих комиссий в период шокового пика нефтяных цен в середине июля 2008 года (до 147 долл./барр.) и последующего резкого падения их после этого к концу года до 35 долл./барр.). Это был период начала внутривнутриполитической борьбы в США за президентское место. Президент Буш, семейство которого было тесно связано с нефтяным бизнесом, добивался от Конгресса поддержки своего указа об отмене моратория на разработку шельфовых месторождений, аргументируя необходимость этого тем, что США все больше садятся «на иглу» зависимости от ее импорта, да к тому же из недружественных Америке стран. Демократы парировали, что нужды в широком освоении новых месторождений в США нет, а цена растет вследствие бесконтрольной активности биржевых спекулянтов. Тогда комиссия CFTC, вслед за Бушем, тоже утверждала, что спекулянты здесь ни при чем, и все зависит от асимметричного баланса спроса и предложения.¹ Тем не менее, демократы, обладавшие большинством в Конгрессе, потребовали все же от комиссии принять более жесткие меры и навести порядок на NYMEX'e (Нью-Йоркской товарной бирже). Было возбуждено несколько дел, но главное – демократы привлекли независимых экспертов, которые, проанализировав развитие ситуации в течение первой половины 2008 года, презентовали в Конгрессе Доклад «Speculators Drive Prices Up and Down», в котором показали, что в период, когда спекулянты наводняли своими инвестициями биржу, цены взлетели ввысь. Но когда Конгресс начал давить на комиссию по торговле фьючерсами и разрабатывать законодательство против злоупотреблений на бирже, то спекулянты в короткий срок вывели до 40 млрд. долл. и обрушили цены. В Докладе также отмечалось, что в течение первых шести месяцев 2008 года запасы нефти по всему миру были в основном на одном уровне (flat), а спрос и предложение были сбалансированными и не могли сколько-нибудь серьезно влиять на взлет и падение нефтяных цен.² Кстати, выводы независимых экспертов косвенно подтверждались и статистикой по динамике ежемесячных фьючерсных контрактов. Так, если число контрактов по нефти WTI, заключенных в 2003-2006 годах, колебалось в рамках 70-100 тыс., то в 2007 - первой половине 2008 г. число их подскочило до 260-340 тыс.³

Накануне кризисных 2007-2008 годов рынок деривативов превратился в один из самых крупных в мире. По оценке Банка международных расчетов в Базеле, номинальная стоимость контрактов, проходящих по всей мировой системе, оценивалась тогда в более чем 636,4 трлн. долларов. Но только 3,4% этой суммы проходило через биржи. Остальные 614,67 триллионов, что было эквивалентно десяти годовым валовым продуктам всего мира (!), торговалось на частных рынках непосредственно между покупателями и продавцами в форме небиржевых деривативов.⁴ Таким образом, можно констатировать, что *большая часть мирового финансового рынка в то время фактически ушла из залов традиционных бирж в компьютерные сети*. Понадобился оглушительный раскат «грома» - глобального кризиса, чтобы в американском конгрессе и администрации президента

¹ Более подробно об этой полемике см.: *The Wall Street Journal, Europe*, July 24, 2008; *Financial Times*, July 5, 2008; *Коммерсантъ Business Guide*, 25 августа 2008, стр. 18.

² *Oil and Gas Journal*, September 22, 2008, pp. 36-39.

³ *Коммерсантъ*, 24 июля 2008; *Oil and Gas Journal*, May 19, 2008, p. 29.

⁴ *Financial Times*, August 12, 2010; *Bloomberg BusinessWeek*, May 24-30, 2010, pp. 52-55.

приняли решение в июле 2010 года о Биржевой реформе. Обеим комиссиям SEC и CFTC – было поручено к июлю 2011 года (заведомо нереальный срок) подготовить законопроект, регулирующий деятельность бирж и защищающий потребителей.

Безусловно нельзя сказать будто президент Обама вовсе не предпринимал усилий для ограничения губительных тенденций, нараставших в финансовом секторе. Вскоре после крупного скандала вокруг аферы Бернарда Мэдоффа, в «пирамиде» которой некоторые инвестиционные компании потеряли миллиарды долларов и которую SEC «благополучно проглядела», последовала смена в руководстве этой комиссии. Председателем ее была назначена в январе Мэри Шапиро. Под ее руководством SEC возбудила несколько десятков исков. Самым крупным оказался иск к Goldman Sacks, который в 2010 году пришлось заплатить 500 млн. долл., чтобы урегулировать обвинения в обмане инвесторов при размещении выпуска акций. Когда в мае 2010 года фондовый рынок США одноmomentно потерял 1 триллион долларов, SEC наняла технических специалистов, чтобы справиться с надзором за рынками. Два года Комиссия работала над кодексом поведения брокеров, от которых требовалось «ставить интересы клиентов над своими собственными». Появилась новая форма отчетности хедж-фондов перед SEC'ом, которая содержала более 1000 вопросов, изложенных на 42 страницах, и поставлен крайний срок подачи этих форм – 29 августа 2012 г. Так что впервые вместо того, чтобы проводить свое летнее время где-нибудь на курорте менеджерам этих фондов пришлось сидеть в своих офисах, заполняя эти формы и соображая как бы не выдать слишком много своих бизнес-секретов.⁵ Но все же М.Шапиро не смогла добиться поддержки даже в своей комиссии в вопросе ужесточения регулирования фондов денежного рынка с 2,6 трлн. долларовых активов. И это не удивительно. Благодаря разоблачениям Дарси Флинна. Этому ветерану адвокату (поверенному) SEC'а, миру стало известно, что, по крайней мере, в течение 17 лет в этой Комиссии систематически уничтожались документы под грифом «расследуемые дела», касавшиеся предполагаемых незаконных деяний фирм Уолл-стрит. Флинн обратился к сенатору-республиканцу и члену правового комитета Сената Чарльзу Грасли (Ch.Grasslay), а тот, соответственно, сделал запрос в SEC, на который М.Шапиро не отреагировала. Но вскоре в прессе появились критические высказывания по поводу слишком «теплых» отношений SEC с Уолл-стритом и в мае 2011 г. был опубликован Доклад Независимого проекта о правительственных упущениях, в котором говорилось о том, что с 2006 по 2010 годы 219 бывших сотрудников SEC представляли в Комиссию письма со своим согласием представлять интересы бизнес-клиентов перед SEC'ом. Пресса расценила все эти факты как достаточное основание для ликвидации SEC'а, с его ежегодным бюджетом в 1 миллиард долл., и формирования новой комиссии на новой основе. В 2012 г. критические выступления нарастали и в конце концов М.Шапиро была вынуждена подать в отставку.⁶

Между тем, в течение 2011-2012 годов стихийные силы глобального кризиса существенно потрепали финансовый сектор. Досталось и хедж-фондам и подпитывавшим их «фондам фондов» (за, может быть, исключением «больших парней», которые знали все наперед и даже поживились на этой инсайдерской информации.)⁷ Журнал «Экономист» следующим образом описал в декабре 2011 года состояние руководителей хедж-фондов:

⁵ *Bloomberg BusinessWeek*, August 27-September 2, 2012, p. 36 and September 17-23, 2012, pp. 48-49.

⁶ *Ведомости*, 28 ноября 2012; *Bloomberg BusinessWeek*, September 5-11, 2011, pp. 8-9.

⁷ *Financial Times*, August 6 - August 17, 2011.

«Эти менеджеры любили думать о себе как о провидцах, искусно предвидящих дальнейшие маршруты рынков. Но сегодня они бессмысленно взирают на жидкокристаллические экраны своих компьютеров и пытаются понять, где же пошло все не так».⁸ Большое депрессивное впечатление на сообщество менеджеров произвел крах третьего в мире по величине активов (35 млрд. долл.) хедж-фонда Paulson & Co. В среднем хедж-фонды в 2011 г. обвалились на 9%, и это было тяжелым напоминанием 19% обвала в 2008 г. В течение первых 6 месяцев 2012 года ликвидировались 424 хедж-фонда, на 14% больше соответствующего периода 2011 года. Причем ликвидация фондов продолжалась до конца 2012 г.⁹

В довершение всего в течение 2012 года на финансовом горизонте разразился целый ряд громких скандалов, в ходе разоблачения которых обнажилась вся широта и глубина порочности финансовой системы.

27 июня второй крупнейший банк Великобритании – Barclays признался, что с 2005 по 2009 годы его руководство ежедневно фальсифицировало базовую ставку заимствований – LIBOR (London interbank offered rate). Практически это был мировой ориентир стоимости денег, и по оценке американской комиссии CFTC в мировом масштабе это была базовая ставка для финансовых инструментов (банковских займов, ипотечных и студенческих кредитов и т.п.) на сумму 500 триллионов долл., в том числе 350 трлн. долл. свопов на процентную ставку и 10 трлн. кредитов. По данным контролера денежного обращения США, только в этой стране не менее 900000 заемщиков обслуживают кредиты со ставкой, привязанной к LIBOR, выданные в 2005-2009 гг. Сумма долга по ним составляет 275 млрд. долл. Так что малейшее движение этой ставки вверх или вниз связано с потерей или обретением крупных сумм, что и было использовано, как выяснилось позднее, руководителями нечистоплотных банков (следствие велось примерно по 20 банкам).¹⁰

В принципе LIBOR и его двойник Euribor должны представлять информацию для банков относительно стоимости получаемых ими займов и размера платежей по ипотечным кредитам. С другой стороны, они служат индикаторами здоровья банковской системы. Но так как собираемые для этого данные не основываются на реальных сделках, то потенциально существует возможность для манипулирования. За этот-то грех Barclays пришлось заплатить в конце июня 2012 г. 455 млн. долл. финансовым регуляторам США и Великобритании в рамках заключенного мирового соглашения с Управлением финансовых услуг (FSA), Комиссией по срочной биржевой торговле США (OFTC) и Министерством финансов США. Barclays пришлось расстаться со своим высшим руководством председателем совета директоров Маркусом Эйджусом (M.Agius) и генеральным исполнительным менеджером Робертом Даймондом (R.Diamond). Впрочем, Эйджус временно был оставлен, чтобы руководить (!) подбором кандидата на пост Гендиректора банка. «Блумберг» сообщил обо всем этом в статье с подзаголовком – «Голова должна полететь». Редакция журнала сделала следующий вывод: «Дело LIBOR'a выявило, что что-то прогнило в нашей банковской культуре сегодня».¹¹

⁸ *The Economist*, December 3rd, 2011, p. 72; *Ведомости*, 10 декабря 2012.

⁹ *Financial Times*, August 6-7, 2011.

¹⁰ *Ведомости*, 31 июля и 16 октября 2012; *Financial Times*, June 29, 2012.

¹¹ *Bloomberg BusinessWeek*, July 9-15, 2012, p. 8; *Ведомости*, 3 июля 2012.

С тех пор фразы о «прогнившей», «недостойной» или «безответственной» «банковской культуре» стали широко гулять по страницам англо-саксонской прессы. То, что финансовая система США или Великобритании прилично подгнила и распространяет свои миазмы по всему миру вряд ли у серьезных людей вызывает сомнения, однако возникает ощущение, что и у редакции почтенного журнала «Блумберг Бизнесвик», и у других экспертов, публикующихся в западных изданиях, все происходящее в финансовой системе негативные деяния предстают как просто результат некомпетентности и отдельных злоупотреблений группы лиц, неким отклонением от норм современного капитализма.* В связи с этим, хотелось бы здесь процитировать отрывок более чем 150-летней давности из английской «Quarterly Reviewer», взятой из I тома «Капитала» К.Маркса:

«Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы».¹² Не напоминает ли эта реплика из прошлого описания сюжета сегодняшнего? Только есть одно серьезное отличие: то поведение капитала относилось к эпохе раннего капиталистического индустриализма в Европе, а сегодняшние сюжеты – это характерная особенность перезрелого капитализма, заключительного этапа его формационного развития. И разве многочисленные требования усиления государственного регулирования и контроля в тех самых СМИ, которые десятилетиями отстаивали идеи либерализма, хотя бы косвенно не свидетельствуют о серьезном переломе в общественных настроениях этих стран?*

Но продолжим все-таки перечень злоупотреблений и скандалов 2012 года. В июле 2012 года сенат США заявил, что в 2001-2011 годы крупнейшая международная банковская группа Великобритании – HSBC подвергала «финансовую систему США рискам, связанным с отмыванием денег и финансированием терроризма». Сенат проверял операции банка с клиентами из Мексики, Ирана, с Каймановых островов и Саудовской Аравии. В отчете сената говорилось о «насквозь нечистоплотной» культуре HSBC. Между тем, речь шла о крупнейшем ТНБ, капитализация (на LSE) достигала 114 млрд. фунтов стерлингов (182,1 млрд. долл.) а активы – около 2,72 трлн. долл. Филиальная сеть HSBC насчитывает более 6900 отделений в 84 странах мира. Региональная структура активов

* Вот один из образчиков подобного наивного мнения из статьи постоянного обозревателя «Файнэншл таймс» Филипа Стефенса (Philip Stephens): «Уход мистера Даймонда [из Barclays] делает возможным реальное изменение в культуре и практике Сити. Прибыль и честность не должны быть взаимоисключающими» (*Financial Times*, July 6, 2012).

¹² См.: К.Маркс, Ф.Энгельс. *Сочинения*, М., 1960, стр. 770.

* Об этом наглядно свидетельствуют опросы Гэллапа: в 1980 г. на вопрос о доверии к банковской системе США, весьма положительно ответили 60% опрошенных американцев. В предкризисном 2007 г. этот показатель опустился до 41%, а уже в июне 2012 г. упал до 21% (*Bloomberg BusinessWeek*, August 27 – September 2, 2012, p. 32. Правда, по вопросу о государственном регулировании бизнеса другой опрос, проведенный в конце 2011 г. некоммерческой фирмой Эдельмана, 31% американцев высказали мнение, что государство слишком много регулирует (в основном за счет голосов республиканцев – 55% против 16% демократов). Но все же больше 37% опрошенных выразили неудовольствие слабым государственным регулированием (тут уже демократы преобладали с 52% против республиканцев – 19%. (*International Herald Tribune*, January 28-29, 2012).

этого монстра (на 30 июня 2012 г.): Европа (47,4%), Северная Америка (17,3%), Гонконг (16,8%), регион АТР (11,6%) и Южная Америка (4,8%). В начале ноября 2012 года руководство HSBC признало, что оно ведет с властями США переговоры о заключении мирового соглашения по урегулированию обвинения в отмывании денег и копит резервы на это до 1,5 млрд. долл., но эксперты предсказывают, что окончательный размер выплаты может достичь от 2-х до 3-х млрд. долл. (В августе 2012 г. одно из отделений банка Standard Chartered уже согласилось заплатить 340 млн. долл., чтобы урегулировать обвинения финансового регулятора штата Нью-Йорк в нарушении антииранских санкций США). Но на наш взгляд, самое пикантное во всей этой истории заключается в ее британском аспекте. HSBC также увеличил на 350 млн. долл. (до 1,36 млрд. долл.) резервы на возможные компенсации британским клиентам, которым он продавал страховку по ипотечным кредитам. По утверждению регуляторов банки продавали полисы клиентам, которым они были не нужны, и не всегда клиенты знали, что они купили такой полис.¹³ Последний сюжет окончательно вверг нас в глубокое раздумье о «первородстве этого греха»: то ли британцы и их коллеги скопировали нравы некоторых наших коррумпированных бизнесменов и чиновников, то ли последние быстро научились у западных воротил. Но в любом случае все это можно отнести на издержки процесса глобализации.

И, наконец, в середине декабря 2012 года еще один гигант – швейцарский ТНБ – UBS признал мошенничество, связанное с манипулированием процентными ставками (опять LIBOR), и согласился заплатить 1,5 миллиарда долл. штрафа (пока второй по величине в истории штраф для банков). Переговоры идут с властями США, Великобритании и Швейцарии. Этот банк с 2005 г. манипулировал величиной ставки LIBOR для расчета цен кредитов и контрактов на сумму примерно в 550 трлн. долл. в период с 2006 по 2010 год. Власти США также планировали перед Рождеством 2012 г. предъявить обвинения большому числу банкиров UBS, участвовавших в манипулировании японской процентной ставкой Tibor. Ожидается, что UBS Securities Japan вскоре официально признает себя виновной в манипулировании Tibor с 2007 года.¹⁴

Нам остается ответить на главный вопрос: почему же, несмотря на очевидные коррупционные манипуляции крупнейших банков, они отделяются только штрафами, которые составляют лишь незначительную долю накопленных нечестным путем капиталов и получаемых прибылей?

На наш взгляд, главная причина такой ситуации заключается в принципиальном изменении характера взаимодействия между крупнейшими ТРБ и высшими чиновниками государственного финансового аппарата (Федерального казначейства с дюжиной его отделений по США, с Министерством финансов и различными финансовыми компаниями и ведомствами). На ранних этапах третьей формационной фазы – фазы монополизма, государство еще относительно независимо выполняло функцию социального аудитора, в том числе защиты мелкого, среднего и даже крупного бизнеса от дестабилизирующего влияния быстро набирающего силу монополизма. По инициативе исполнительной власти Конгресс принимал Антитрестовские законы (Sherman Act, Clayton Act), и президенты Теодор Рузвельт (республиканец) или Вудро Вильсон (демократ), придерживаясь принципа «за бизнес, но против трестов», возглавляли борьбу за ограничение монополий,

¹³ *Ведомости*, 7 ноября 2012.

¹⁴ *Ведомости*, 17 декабря 2012; *Коммерсантъ*, 20 декабря 2012.

не останавливаясь даже перед разоблачением некоторых из них (яркий пример – многолетняя борьба с Рокфеллеровской нефтяной корпорацией «Standard Oil»). Но это в прошлом. Сегодня же мы являемся свидетелями *фактического сращивания* обозначенной выше части государственного аппарата с горсткой крупнейших транснациональных американских банков. Это наглядно выявилось с первых же дней глобального кризиса.¹⁵

В самом деле, как только в 2008 г. кризис этот потопил старейший американский банк Lehman Brothers, а вслед за ним наступила очередь Bear Stearns, власти США в первую очередь начали выручать финансовый сектор. Помощь была и организационная и финансовая. Они субсидировали присоединение Bear Stearns к банку JPMorgan Chase, а когда Goldman Sacks и Morgan Stanley оказались на краю обрыва, Федеральное казначейство мгновенно спасло их, позволив переквалифицироваться в категорию застрахованных заемщиков. Merrill Lynch, в свою очередь, вошел в Bank of America. Таким образом, государственная власть поспособствовала процессу банковской концентрации. Так, если в 2009 г. пять крупнейших американских банков фактически контролировали 80% всех деривативов, выпущенных в США, то сегодня 94% этих бумаг подотчетны всего четырем банкам: JPMorgan Chase, City Group, Bank of America и Goldman Sacks.¹⁶ Еще больше впечатляющей и более широкой (почти глобальной) была финансовая поддержка и американским, и некоторым зарубежным крупнейшим банкам. В разгар кризиса 2008-2009 годов ФРС (Федеральная резервная система США) оказала этим банкам экстренную помощь в размере 16 триллионов долл. (Тайный доклад аудиторов по этим сюжетам был предан гласности сенатором Берни Сандерсом и был опубликован в «The Washington Post».¹⁷

Когда два секретаря казначейства США и председатель ФРС Ден Бернанке делали солидные вливания в банковский сектор, то они, по мнению «Блумберг Бизнесвик», рассчитывали на то, что ликвидность пойдет по банковской системе и оживит экономику. Но ничего подобного не произошло, эта политика облагодетельствовала только Уолл-стрит.¹⁸ В результате этой благотворительности пять банков - JPMorgan Chase, Bank of America, City Group, Wells Fargo и Goldman Sacks располагали к июню 2012 года более чем 8,5 триллионов долл. активов, что по данным ФРС было равно 56% всей американской экономики. Даже Ричард Фишер, президент Далласского отделения ФРС, назвал эту политику «нечестным субсидированием». Подобное «субсидирование» сберегло этим банкам до 120 миллиардов долл. И это только в 2010 г.¹⁹ Для оправдания этой политики власти придумали специальный «аргумент-отговорку»: «too-big-to fail», то есть эти банки слишком крупные, чтобы допустить их крах. С тех пор словечко bailout – финансовая помощь банкам, попавшим в затруднительное положение, - пошло гулять и обсуждаться во всех западных СМИ. Это bailout распространилось, естественно, только на избранных, и на них не распространилось, конечно, обязательство в законе Dodd-Frank'a не допускать в дальнейшем никаких bailout. Банкиры, по-видимому, знали, что если она

¹⁵ Можно только посочувствовать автору статьи «Вудро Вильсон знал как расправляются с бегемотами» - главному сотруднику Совета по внешним отношениям и сотрудничающему редактору «Файнэншл таймс» Себастьяну Мэллаби, который отчаявшись, читая бесплодные дебаты о необходимости «изменения банковской культуры», посоветовал властям последовать принципам Т.Рузвельта и В.Вильсона и «разрушить бегемотов» (т.е. ТНБ). (*Financial Times*, July 6, 2012).

¹⁶ *Мир перемен*, № 3, 2012, стр. 24.

¹⁷ См.: *Московский комсомолец*, 17 сентября 2012.

¹⁸ *Bloomberg BusinessWeek*, August 29 - September 4, 2011, p. 41.

¹⁹ *Bloomberg BusinessWeek*, July 9-15, 2012, p. 11.

разбудят конгрессмена среди ночи, и скажут ему, что наступает конец света, то можно быть уверенным, свидетельствует редакционная статья «Блумберг Бизнесвик», что помощь последует. Уверенность в этом «чрезвычайно ценна».²⁰ И коммерческие банки ценят это. По свидетельству Центра ответственной политики (the Center of Responsive Politics), если в 2006 году эти банки истратили на лоббирование своих интересов в Конгрессе и на регуляторов 36,1 миллион долл., то в 2011 году – уже 61,4 млн. долл.²¹

Стоит, очевидно, отметить, что в отношении монополистического капитала и республиканские и демократические администрации всегда проводили по существу *двухпартийную политику*. Но на ранних этапах третьей фазы капитализма это была антирестовская политика, а сегодня – промонополистическая. И на этот раз сменился объект: на смену монополиям индустриального типа пришли ТНБ. Недавно появилась еще инсайдерская критика, которая проливает свет не только на количественный аспект bailout, а на то, *как именно* это происходило. В марте 2011 года Белый дом покинул генеральный инспектор Программы спасения неблагополучных активов (Troubled Asset Relief Program) Нил Баровский (Neil Barofsky). Бюджет этой программы составлял 700 млрд. долл., а Баровский был неумолимым критиком bailout. В своем последнем отчете он выделил, в частности, два порока: во-первых, выделяя средства крупным банкам Казначейство не предпринимало никаких усилий сделать эти банки подотчетными и, во-вторых, условия, на которых предоставлялась эта помощь, смахивали на коррупционную сделку.²²

В последнее время в США и других западных странах (особенно в Банке международных расчетов Базеля) были приняты решения о проведения банковской структурной реформы, о разделении инвестиционной (как особо рискованной) и собственной банковской коммерческой деятельности, предложенной комиссией Викерса в Великобритании, одобрено правило Волкера в рамках закона Додда-Франка, принято недавно на Базеле III требование о повышении банками резервного капитала, по крайней мере, до 8% и т.д. и т.п. Но, во-первых, в этих документах все еще сохраняется много лазеек для банков, а, во-вторых, банки настаивают на том, что для требуемого пополнения резервного фонда у них в данной кризисной ситуации не хватает ни средств (маленький спрос у инвесторов в случае дополнительной эмиссии), ни времени. И судя по появившемуся в январе 2013 года сообщению о том, что начало реализации решений Базеля III откладывается с 2015-го на 2019-й год, на действительно полноценную банковскую реформу в ближайшие годы не стоит рассчитывать. Однако, несмотря на жалобы и стенания банковского сообщества, менеджеры с Уолл-стрит в целом выступают за статус-кво в отношениях с государством, которые дают им два преимущества: дешевое финансирование в форме государственных депозитов и низкие процентные ставки частного заимствования, так как инвесторы верят в то, что за спиной уолл-стритовских крупнейших банков стоит правительство.²³

Другим пагубным последствием структурного кризиса капитализма для национальной экономики США являлся массовый уход капиталов в зарубежные страны. Так называемая деиндустриализация имела болезненные негативные последствия в

²⁰ *Op. cit.*, p. 12.

²¹ *Bloomberg BusinessWeek*, August 27 - September 2, 2012, p. 33.

²² *Bloomberg BusinessWeek*, July 16-22, 2012, pp. 26-27.

²³ *Bloomberg BusinessWeek*, September 10-16, 2012, pp. 47-48.

социальной структуре американского общества. Среди них и возникновение хронической безработицы, процессы деклассирования и люмпенизации, расслоение «среднего класса» и «выпадение» его низшего слоя среди занятых в традиционном индустриальном секторе практически на «дно», общий рост неравенства и т.п. Но главная головная боль администрации Обамы на сегодня – это безработица.

Проблема нарастания безработицы и превращения ее в хроническую возникла еще до современного глобального кризиса. Фактически традиционный индустриальный сектор в Америке находится в состоянии упадка уже несколько десятилетий. Только за последние 12 лет предприниматели в обрабатывающей промышленности сократили 31% наемных работников или 6 млн. человек.²⁴ Более того, с 1970 г. сокращалась и средняя зарплата в этом секторе. Правда, это «смягчалось» фактом увеличения работающих семейных женщин. На некоторое время «спасало» надувание ипотечного пузыря, ведь в строительстве работали в основном мужчины. Но когда пузырь лопнул, миллионы рабочих были выкинуты на улицу. В целом, удельный вес работающих (всех – полный и неполный рабочий день) сократился до отметки 63,3% в 2009 г. (низший статистический показатель с 1948 г.).²⁵

До недавнего времени средний американец жил в своих мечтах об «американском образе жизни» благодаря дешевым банковским кредитам и еще более дешевым товарам из Китая. Все это маскировало подспудно набирающий силу структурный кризис и связанный с ним устойчивый рост безработицы, который прорвался наружу в 2007-2009 годах в форме открытого ипотечного, финансового и экономического кризиса и разрушил иллюзорное благополучие. Американские эксперты принципиально разделились в оценке характера безработицы и, соответственно, в необходимых средствах борьбы с ней. Официальные эксперты, обслуживающие федеральные органы, настаивают на циклическом характере безработицы, исходя из представления о циклической природе кризиса. Эксперты научного сообщества и некоторые эксперты, работающие на Уолл-стрит, резонно говорят, что в обществе произошли серьезные сдвиги, и безработица имеет структурный характер.²⁶ При этом первые, пользуясь традиционными экономическими моделями, никак не объясняют необычный феномен: почему безработица сохраняется, хотя прибыли крупнейших корпораций ИТ-уклада давно уже растут. Ведь при традиционных циклических кризисах с возобновлением экономического роста восстанавливались и рабочие места. Бывший министр труда США и автор книги «Aftershock: The Next Economy and American Future» Роберт Рич (Robert Reich) опубликовал в «International Herald Tribune» статью, в которой внес в качестве эпитафии свой главный вывод: «Более высокие прибыли больше не ведут к повышению занятости». (В этом эпитафии автор подметил одно из главнейших изменений в ситуации с рабочей силой, которая практически игнорируется Федеральным казначейством и его экспертами и которое не фиксируется проводимой ими монетаристской политикой). В статье Рича констатируется, что в середине 2010 г. американские корпорации уже вернули почти 90% того, что они потеряли во время кризиса, и сидели «на гигантской груде денег»^{*} Во

²⁴ *Bloomberg BusinessWeek*, September 10-16, 2012, p.14.

²⁵ *Op. cit.*, August 29 – September 4, pp. 26-28.

²⁶ См.: *Bloomberg BusinessWeek*, July 19-24, 2011, pp.12-13.

* С тех пор, как писались эти строки, корпорации заметно приумножили эту «груду денег». По свидетельству «Bloomberg» на середину сентября 2012 г. «Почти два триллиона долл. было добавлено к

втором квартале 2012 года 500 крупнейших нефинансовых фирм обладали примерно одним триллионом долларов, и эта сумма продолжала расти. Но реальная безработица не уменьшалась. Рич называет три причины этому: первая заключается в том, что корпорации инвестируют за рубежом, где они зарабатывают значительную часть своих прибылей. Вторая причина, по мнению автора, заключается в том, что корпорации инвестируют свои деньги в США в трудосберегающие технологии ради более высокой производительности, но не увеличения заработной платы. В-третьих, корпорации, несмотря на кризис, тратят свои прибыли на выплату дивидендов и на выкуп своих акций, способствуя росту цен на них.²⁷

Справедливости ради следует отметить, что официальная статистика показывает следующую динамику безработицы в США в период правления 8-ми последних президентов Соединенных Штатов с 1972 г. Мы взяли этот период потому, что он примерно совпадает с рамками этапа становления ИТ-уклада. Итак, с 1972 г. (Никсон) безработица, которая составляла вначале около 6%, начала падать до ниже пятипроцентного уровня, но к концу правления Никсона вновь устремилась вверх. Этот рост безработицы продолжался большую часть первой половины срока правления Форда и достиг немногим более 9%, но потом начал падать и спустился ниже 8%. При демократе Картере этот спуск продолжался, но к концу его правления вновь устремился ввысь почти до прежней отметки. Унаследовал эту тенденцию Рейган в ходе первой половины своего первого срока довел уровень безработицы до невиданного пика, где-то между 10 и 11%. Потом последовал спад к 5%. Затем Буш-старший, ближе к середине своего срока, опять поспособствовал росту безработицы, превысившей планку 7%. За последовавшие два срока демократа Клинтона безработица неуклонно падала, дойдя до самого низкого уровня – ниже 4%. Последовавшее правление Буша-младшего было противоречивым: вначале безработица приподнялась чуть выше 6%, затем стала падать и с началом второго срока, совпавшим с началом нынешнего кризиса (ипотечная фаза), вновь возобладала повышательная тенденция. В результате Обама досталась и разгар кризиса, и новый пик безработицы (около 10% в марте 2009 г.). В течение 2010-2011 годов всеми правдами и неправдами удалось довести до 9%, а к концу 2011 г. (ноябрь) и до 8,6%.²⁸

Так что вроде бы дело идет на спад, хотя бы в процентном отношении. Но, во-первых, в абсолютном количественном отношении следовало бы учесть, что 1% безработных от общего числа трудоспособного (исключая сельское хозяйство) населения в первой половине 70-х годов было в количественном отношении, по крайней мере, в два раза меньше, чем в 2008 г. И если 1%, скажем, в 1975 году составлял примерно 800 тыс. безработных, то процент в 2008 году – 1,4 млн. (то есть на 9 пиковых процентов во время президентства Форда приходилось 7,2 млн. безработных, в то время как десятипроцентному пиковому показателю у Обамы соответствовало 14 млн. безработных).

Но не надо обольщаться официальными данными снижения безработицы в последние полтора года. По мере накала страстей в предвыборной президентской гонке нарастало и манипулирование статистическими данными по безработице, напоминая

активам [корпораций] в этом году, и основные фонды достигли уровней, невиданных со времени крушения [компаний] Lehman Brothers Holdings Bear Stearns» (*Bloomberg BusinessWeek*, September 17-23, 2012, p. 45).

²⁷ *International Herald Tribune*, July 30, 2010.

²⁸ *The Economist*, September 10, 2011, p. 44; September 17, 2011, p. 72; December 3, 2011, p. 92; December 10 2011, p. 12; December 31, 2011, p. 68.

внимательному наблюдателю известную поговорку о том, что существует ложь, большая ложь и статистика. Малейшее спорадическое колебание данных по безработице мгновенно истолковывалось противоборствующими сторонами как серьезное улучшение в ту либо в другую сторону. Не случайно журнал *Bloomberg BusinessWeek* буквально накануне выборов в одной из кратких редакционных рубрик поместил статью под недвусмысленным названием-призывом: «Не позволяйте статистике выбрать президента».²⁹

Существует много способов искажения реальной картины на рынке труда. Так официальные данные о 14 млн. безработных не включают в себя еще 11 млн. «*underemployed*» - «недозанятые», то есть частично занятые или временно нанятые рабочие. Следует также учитывать, что существуют фиксированные сроки для категории безработных, по истечении которых они снимаются с учета, оставаясь безработными. Например, в январе 2012 года таким образом исчезло 1,2 млн. человек из базы расчетов.³⁰ А есть еще группа людей, которые потеряли надежду найти работу по профилю, перестали регистрироваться и перебиваются случайными заработками. Существуют подсчеты, согласно которым две эти группы насчитывают около 6,6 млн. человек.³¹

В целом, о возникновении структурной хронической безработицы в США наглядно говорят такие данные: произошло резкое увеличение средней продолжительности периода безработицы – если в 2007 году этот показатель составлял 17 недель, то в 2011 году – уже 40 недель. В 2001 году на группу безработных, средний срок которых составлял 27 и более недель, приходилось всего 10%, то в 2011 году доля таких безработных достигла 44,4%.³² Вот почему некоторые эксперты в США указывают на тот факт, что число занятого трудоспособного населения снизилось до 63,7% - самый низкий уровень за три десятилетия, и делает вывод о том, что официальные данные о безработице приукрашивают реальную картину.³³

Важно подчеркнуть, что начало процесса нарастания хронической безработицы и неуклонного снижения заработной платы связано со становлением ИТ-уклада и начавшейся вследствие этого структурной перестройки американской экономики. Первые десятилетия этих процессов маскировались и смягчались двумя внутренними факторами. Первый из них – это возрастающее число работающих семейных женщин, зарплата которых восполняла «дыру» в семейном бюджете. Второй – более поздний – надувание ипотечных «пузырей», поддерживающее занятость в строительном секторе, в котором доминировали мужчины. Но «пузырь» лопнул, унеся с собой миллионы рабочих мест. В результате структурного кризиса и связанной с ним хронической безработицы в американском обществе стало нарастать социальное неравенство. Перу упомянутого выше профессора Принстонского университета и лауреата Нобелевской премии по экономике за 2008 год Пола Кругмана принадлежит книга «Кредо либерала», в которой многие структурные изменения в социально-экономическом развитии США прописаны убедительно.³⁴ Кругман приходит к выводу, что за последние три десятилетия страна вернулась к уровню неравенства, характерному для худших лет раннего индустриализма,

²⁹ *Bloomberg BusinessWeek*, November 5-11, 2012, p. 10.

³⁰ *Известия*, 8 февраля 2012.

³¹ *Bloomberg BusinessWeek*, February 20-26, 2012, p. 14.

³² *The Economist*, September 10, 2011, p. 13; *Bloomberg BusinessWeek*, July 18-24, 2011, p. 13.

³³ *Bloomberg BusinessWeek*, February 20-26, 2012, p. 15.

³⁴ Кругман П. *Кредо либерала*. Изд-во «Европа», М., 2009.

а благами экономического роста Америки в основном воспользовались наиболее богатое меньшинство, тогда как остальные оказались на обочине экономического прогресса.

Впрочем, о растущем социальном неравенстве в США в годы кризиса заговорили все серьезные СМИ в Америке и Великобритании. Так «Файнэншл таймс» в январе 2012 г. опубликовала статью о росте огромных денежных средств на балансовых счетах нефинансовых корпораций США, в результате чего «удельный вес корпоративных прибылей Соединенных Штатов в ВВП выше, чем когда бы ни было со времен 1950 года».³⁵ В 2011 году на 1% самых богатых американцев приходилось 1/3 национального богатства, а 50% самых бедных располагали лишь 2,5% от этого богатства.³⁶ Многие эксперты на Западе отмечают, что длительная безработица особенно губительна для перспектив развития экономики и вообще всего американского общества. Она ведет к деклассированию значительной части работников, утрате профессиональных навыков и снижению воли и тяги к труду, усилению депрессии и вообще общей маргинализации на рынке труда. Тысячи и тысячи людей оказываются «на дне». Некоторые эксперты расценивают все это как **потерю человеческого капитала**.³⁷ Другие приводят данные, что в ходе затянувшегося кризиса *было утрачено больше рабочих мест и большая доля национального производства*, чем в любой рецессии за последние 50 лет.³⁸ В свою очередь эксперты МВФ выражают большое беспокойство в связи со значительным повышением уровня безработицы среди молодежи в западных странах. В Америке, например, удельный вес безработных моложе 25 лет достиг в 2011 году 17,1%. По мнению МВФ, существует вероятность того, что наряду с риском «потерянного десятилетия» появится риск «потерянного поколения».³⁹

За последние годы наблюдался в богатой Америке и беспрецедентный рост числа бедных людей. В 2000 году число американцев, живущих за чертой бедности, насчитывало 31,5 млн. человек, а уже через десять лет, в 2010 г. – 46,2 млн., что составляло более 15% всего населения. Нация откатилась по этому показателю на полвека назад. 45 млн. американцев получали в 2010 году талоны на продукты питания.⁴⁰ В крупнейшем не только финансово-экономическом, но и научном, и культурном центре США – Нью-Йорке городские власти с мая 2012 года решили открыть 10 приютов для бедных и до конца года были намерены открыть еще пять. Общее число оставшихся без крова ньюйоркцев достигло 46 тыс. человек. Это 14% от всех американских бездомных. Но, пожалуй, больше всего пострадали старые индустриальные центры, среди которых «выдающееся» место занимал, конечно, некогда важнейший машиностроительный Детройт. Город сегодня находится на грани упадка. По данным переписи, опубликованной в начале 2011 года за прошедшее десятилетие город потерял четверть своего населения, в том числе уезжали и представители «среднего класса» (и белые, и черные), разваливались семьи, росла преступность. Из оставшихся – 38% населения сегодня живут ниже уровня бедности.⁴¹

³⁵ *Financial Times*, January 30, 2012.

³⁶ *Московский комсомолец*, 11 октября 2011.

³⁷ См.: *The Economist*, September 17, 2011, p. 90; *Bloomberg BusinessWeek*, June 4-10, 2012, p. 6 and July 2-15, 2012, pp. 27-28.

³⁸ *Bloomberg BusinessWeek*, August 29 – September 4, 2011, p. 15.

³⁹ *The Economist*, October 22, 2011, p. 13; *Financial Times*, July 3, 2012.

⁴⁰ *Ведомости*, 15 сентября 2011; *Московский комсомолец*, 11 октября 2011.

⁴¹ *Известия*, 11 октября 2012; *The Economist*, October 22nd, 2011, p. 57-58.

Особо стоит выделить проблему «среднего класса», который наши «либеральные» экономисты очень любят приводить в аргументации своей экономической политики в качестве опоры демократии и экономического процветания в развитых капиталистических странах. На формационном этапе агонии происходит расслоение или размывание «среднего класса», усилившегося когда ИТ-ТНК и ТНБ вплотную стали заниматься аутсорсингом и использовать в развивающихся странах компьютерщиков, копировальщиков и прочих рутинных офисных работников. Это нанесло сильный удар по «белым воротничкам» в Америке. В августе 2012 г. «Файнэншл таймс», ссылаясь на доклад Исследовательского центра «Пью», констатировала, что минувшее десятилетие стало худшим для американского «среднего класса» за всю послевоенную эпоху: значительно снизились доходы (добавим и социальный статус), а главное «класс» этот начал существенно сокращаться. Если в 1971 году к нему относили 61% взрослого населения Америки, то в 2011 г. – только 51%.⁴²

До поры до времени «средний класс» терпел свое ухудшающееся положение. Альберт Эдвардс из Société Générale объяснял это терпение политикой центральных банков, которые создали бум недвижимости и втянули в сети заимствований представителей этого класса, создавая иллюзию процветания и потребительства, «удерживая средний класс от восстания».⁴³ Но когда кризис развеял эти иллюзии, возникло протестное движение. «Люди вправе быть рассерженными», - писал в октябре 2011 г. журнал «Экономист». «От Сиэтла до Сиднея протестующие вышли на улицы. Чем бы они ни инспирировались – движением «Оккупируй Уолл-стрит» в Нью-Йорке или *indigados* (негодующие) в Мадриде – они пылают негодованием в связи с неблагоприятным положением в экономике и несправедливой ситуацией, когда бедные расплачиваются за грехи богатых банкиров, а в некоторых случаях и самого капитализма».⁴⁴

В этих протестных движениях, возможно, участвовала и часть безработных рабочих и пострадавших представителей «среднего класса». Но, судя по радикализму, по формам протестного движения и по существу их лозунгов, решающую роль играли «пробудившиеся» средние слои «среднего класса», а не пролетарские массы. Ведь пролетариат – это класс, который представляет собой органическую часть системы капитализма. Его главное оружие в рамках этой системы в развитых капиталистических странах – забастовки, митинги и шествия с требованиями повышения зарплаты (или против понижения зарплат), улучшения условий и продолжительности труда, то есть за «нормальный» (по их представлениям) капитализм. На формационном этапе агонии капиталистической системы пролетариат ведет примерно так же, как вело себя крестьянство в период заката абсолютизма. Оно боролось не против феодализма, а против «плохих» и «несправедливых» феодалов, которые нарушали принятые на себя обязательства в области хозяйственных вопросов и правовых отношений. (Ярким примером этого служат роялистские восстания французских крестьян в Вандее во время великой Французской буржуазной революции).

⁴² Цит. по: *Ведомости*, 24 августа 2012. См. также: *The Economist*. Special Report «The Future of Jobs», September 10th, 2011, pp. 5, 7; *Bloomberg BusinessWeek*, January 23-29, 2012, pp. 102-103.

⁴³ *Wall Street Journal*, August 10, 2011.

⁴⁴ *The Economist*. October 22nd, 2011, pp. 13.

Средний же слой «среднего класса» на нынешнем этапе агонии более революционен и вследствие своей большей образованности и осведомленности более болезненно воспринимает утрату прежних иллюзий и прежнего относительного благополучия. Правда, в ходе расслоения «среднего класса» образуется новая прослойка с высшим образованием, которая смогла адаптироваться к меняющимся условиям и вписаться органически в ИТ-уклад. Эту прослойку часто называют «креативным классом» или творческими работниками нового уклада (своеобразным «третьим сословием», но уже между капиталистами и пролетариатом). Это еще не класс, а *протокласс*. Между прочим, наиболее продвинутые руководители ИТ-ТНК уже осознали потенциал представителей этого протокласса. Они поняли, что нужно принципиально менять организацию труда именно под изменившийся характер этой новой креативной производительной силы. Так, например, руководство корпорации Google ввело режим работы, по которому сотрудникам разрешалось до 20% рабочего времени тратить по своему усмотрению. Это весьма положительно повлияло на производительность, инициативность и инновационность людей по природе склонных к изобретательности. В сообществе ИТ-корпораций это новшество Google сначала встретили со скептицизмом и даже недоумением. Но вскоре увидели наглядно плоды нововведения, и многие стали перенимать и совершенствовать новую систему, которая получила название «свобода и ответственность».⁴⁵ (Это уже ближе к размышлениям Маркса и Энгельса о форме трудовой деятельности при коммунизме, но, разумеется, вне оболочки частного интереса руководителей корпораций). По мере расширения рамок ИТ-уклада из массы этого креативного протокласса будет формироваться тот полноценный креативный класс, который станет гегемоном в будущей новой экономике и будущем обществе в первой фазе их становления.

Ну а пока, накануне нового 2013 года Америка стояла перед весьма реальной угрозой «фискального обрыва»*, который возник из-за сбоя в модели политической власти – одно из важнейших проявлений характерного для формационного этапа агонии, а именно: отсутствие политического консенсуса и отсутствие национального лидера, способного этот консенсус навязать силой авторитета. Президенту Обаме все же удалось достичь кратковременного компромисса и отсрочить реализацию долгосрочного и реалистического решения проблемы «фискального обрыва». Однако то, что центральным пунктом достигнутого компромисса оказался вопрос об облегчении налогового бремени для «среднего класса», свидетельствует все же об осознании значения этого класса для сохранения существующей политической власти в США.

⁴⁵ *The Economist*. Special Report. September 10th, 2011, pp. 12, 13.

* Проблема «фискального обрыва» заключается в том, что с 1 января 2013 г. заканчивается действие многочисленных налоговых льгот, принятых еще со времен президентства Буша-младшего. Возникло опасение, что с огромным ростом налогового бремени в сочетании с требуемым республиканцами (и объективно необходимым) сокращением расходов правительства ввергнут США (и большую часть мира) в еще более глубокую яму финансового кризиса.